Информация для цитирования:

Суслова С. И. Непоименованность в гражданском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 322–347. DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

Suslova S. I. *Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave* [Innominate Phenomena in Civil Law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2020. Issue 48. Pp. 322–347. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347.

УДК 347.1

DOI: 10.17072/1995-4190-2020-48-322-347

НЕПОИМЕНОВАННОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50009

С. И. Суслова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права и процесса

Иркутский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Статьи в БД «Scopus»/«Web of Science»:

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.12.2019

Введение: многочисленные упоминания в доктрине термина «непоименованность» применительно к различным гражданско-правовым явлениям не компенсируются содержательным его анализом. В настоящее время в российской цивилистике лишь проблематика непоименованных договоров и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств разработана на должном уровне. Однако даже в специализированных работах, посвященных отдельным видам непоименованных явлений, не ставится вопрос о непоименованности как о феномене, значимом для гражданского права в целом, а не исключительно для подотрасли обязательственного права. На сегодня не только не изучены вопросы о непоименованных объектах гражданских прав, непоименованных юридически фактах, непоименованных способах защиты гражданских прав, непоименованных субъективных правах, но и отсутствует понимание о возможном перечне непоименованных правовых явлений в гражданском праве. В этой связи требуется выработка научно обоснованного подхода к пониманию непоименованности в гражданском праве.

Цель: предложить понимание непоименованности в гражданском праве, произвести отграничение непоименованности от пробела в праве, определить правовые явления, которые можно отнести к непоименованным в гражданском праве, выработать научно обоснованную классификацию непоименованности в гражданском праве, а также дать характеристику наименее изученных в цивилистической науке непоименованных явлений.

Методы: основываясь на базовом для правовых исследований диалектическом методе, изучены непоименованность и взгляды на ее понимание с позиции исторической изменчивости, оценены существующие научные воззрения на непоименованность и ее признаки, проанализирована непоименованность в неразрывном единстве и взаимосвязи с иными правовыми категориями. Также использовались сравнительно-правовой метод, метод альтернатив, структурно-функциональный метод, формально-юридический метод, историко-правовой метод, метод толкования правовых норм. **Результаты:** сформулировано авторское определение непоименованности в гражданском праве; на основе учения о детерминизме выявлены основные критерии разграничения между понятиями «пробел в праве» и «непоименованность»; предложены классификации непоименованности в гражданском праве, которые могут быть использованы правоприменительными органами при разрешении конкретных споров в отношении непоименованных явлений. **Выводы:** непоименованность, как позитивное гражданско-правовое явление, является отображением принципа свободы участников гражданско-правовых отношений. В российском законодательстве преобладает запрещенная непоименованность, что противоречит основным его началам, поэтому требуется расширение сферы разрешенной и допускаемой непоименованности.

Ключевые слова: непоименованность; нетипичность; объекты; юридические факты; субъективные права; способы защиты; пробел в праве

INNOMINATE PHENOMENA IN CIVIL LAW

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 19-111-50009

S. I. Suslova

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) 4, Nekrasova st., Irkutsk, 664011, Russia

ORCID: 0000-0002-7487-6879

ResearcherID: R-7761-2016

Articles in the databases 'Scopus' / 'Web of Science':

DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).299-307

DOI: 10.1051/e3sconf/20199108071

E-mail: svetsuslova@yandex.ru

Received 26.12.2019

Introduction: despite numerous references to the term 'innominate' when describing various civil law phenomena, there have been no scientific attempts to analyze its nature. In Russian civil law, only the problems of innominate contracts and innominate methods for securing performance of obligations have been studied so far. Even in specialized works that deal with some particular types of innominate phenomena, this issue is not analyzed as a complex phenomenon that is crucial not only for law of obligations but for civil law in general. Currently, innominate objects of civil rights, innominate legal facts, innominate remedies, innominate legal rights remain an unexplored field. Moreover, there is no list of innominate legal phenomena. Thus, it appears necessary to develop a scientific approach to innominate phenomena in civil law. **Purpose:** the article aims to define the concept of innominate phenomena in civil law, to distinguish between the concepts 'innominate phenomena' and 'gaps in law', to identify innominate legal phenomena in civil law, to develop classification of those, and to describe the innominate phenomena being the least studied in civil law science. **Methods:** based on the dialectical method, which is the key method for legal studies, the following tasks were accomplished: innominate phenomena and views on their nature were studied from the perspective of historical variability; existing scientific views on innominate phenomena and their features were evaluated; inno-

minate phenomena were analyzed in relation to other legal categories. The following methods were used as well: the comparative legal method, the method of alternatives, the structural functional method, the formal legal method, the historical legal method, and the method of legal interpretation. Results: the author's definition of innominate phenomena in civil law was proposed. Based on the doctrine of determinism, there were identified criteria for distinguishing between the concepts 'gaps in law' and 'innominate phenomena'. Classifications of innominate civil law phenomena were developed. They can be used by law enforcement agencies in resolving legal disputes that involve phenomena of this kind. Conclusions: innominate legal phenomena are positive civil law phenomena reflecting the principle of freedom of participants in civil relations. Prohibitions concerning the existence of innominate legal phenomena established by Russian legislation contradict its basic principles. Therefore, it is necessary to expand the scope of authorized and admissible innominate phenomena.

Keywords: innominate; atypicality; objects; legal facts; legal rights; remedy; gap in law

Введение

Российская юридическая наука в достаточной степени апеллирует к термину «непоименованность» при анализе тех или иных правовых явлений. Однако обширность такого употребления совершенно не подкреплена содержательной его характеристикой. Глубокие и полноценные научные исследования проведены лишь в отношении непоименованных договоров (например, [6]) и непоименованных способов обеспечения исполнения обязательств (например, [28]). Однако даже в таких специализированных работах не ставится вопрос о непоименованности как о феномене, значимом для гражданского права в целом, а не исключительно для подотрасли обязательственного права. В настоящее время не только не изучены вопросы о непоименованных объектах гражданских прав, непоименованных юридически фактах, непоименованных способах защиты гражданских прав, непоименованных субъективных правах, но и отсутствует понимание о возможном перечне непоименованных правовых явлений в гражданском праве. Декларируемая диспозитивность гражданско-правового регулирования, к сожалению, не всегда способствует встраиванию используемых участниками гражданского оборота новых, «неназванных правом» конструкций в существующую систему. Достаточно часто правоприменительная практика негативно относится к их появлению, отказывая в легитимности тем явлениям частноправовой действительности, которые не нашли отражения в действующем законодательстве.

В рамках данной работы будет предложено понимание непоименованности в гражданском праве, произведено отграничение непоимено-

ванности от пробела в праве, определены правовые явления, которые можно отнести к непоименованным в гражданском праве, выработана научно обоснованная классификация непоименованности в гражданском праве, а также дана характеристика наименее изученных в цивилистической науке непоименованных явлений, что позволит предложить рекомендации для правоприменительных органов в случае разрешения споров в отношении непоименованных гражданско-правовых конструкций.

Методология исследования. Основываясь на базовом для правовых исследований диалектическом методе, требуется изучить непоименованность и взгляды на ее понимание с позиции исторической изменчивости, оценить существующие научные воззрения на непоименованность и ее признаки, проанализировать непоименованность в неразрывном единстве и взаимосвязи с иными правовыми категориями. Используя формально-логический метод, рассмотрим причинно-следственные связи между видами пробелов в праве и непоименованными конструкциями, что позволит сформулировать понимание непоименованности в гражданском праве и дополнить ранее предложенную классификацию непоименованности на разрешенную, допускаемую, альтернативную и запрещенную. Используя сравнительно-правовой метод, метод альтернатив, структурно-функциональный метод, предполагается оценить и выявить те виды непоименованных правовых явлений, которые представляют наибольшую значимость с позиции неоднозначности правоприменения и сформировавшихся доктринальных положений. Иные частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, метод тол-

кования правовых норм) будут задействованы при характеристике отдельных видов непоименованности в гражданском праве

**Понимание непоименованности
в доктрине и законодательстве.
Непоименованность и нетипичность.
Непоименованность и пробел в праве**

Семантический анализ термина «непоименованность» не вызывает, на первый взгляд, никаких затруднений. В толковых словарях, однако, его пояснение встретить удалось лишь в отношении к «антиподу» – «поименовать», который В. Даль объяснил как «именовать кого-то, назвать по имени» [17].

Применительно к российскому гражданскому праву понимание непоименованности сформировалось на основании пункта 2 статьи 421 Гражданского кодекса РФ, в которой закреплено правило о том, что стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами. Такой договор получил в доктрине «собственное имя» и стал называться непоименованным договором. Таким образом, частный случай непоименованного правового явления послужил основой для формирования аксиоматичного понимания непоименованности в цивилистической науке.

Следует согласиться с Е. Г. Комиссаровой, что «создаваемые наукой понятия в первую очередь должны работать на саму науку, развивая ее, обеспечивая тот уровень предметно-научных знаний, при наличии которого она будет востребована со стороны законодателя...» [29, с. 207]. Поэтому, в целом не оспаривая устоявшуюся в определенной степени терминологию, уточним некоторые аспекты сложившегося понимания.

Во-первых, непоименованность есть результат отсутствия правовой регламентации. Другими словами, для признания какого-то правового явления поименованным необходимо обнаружить в реальной жизни, охваченной правовым воздействием, упоминание о нем. При этом остается открытым вопрос о том, какой источник гражданского права может быть рассмотрен как необходимый и достаточный для того, чтобы провести разницу между поименованным и непоименованным явлениями. Кроме того, возникает проблема степени детализации правового регулирования для выявле-

ния непоименованности: если явление лишь упомянуто и иное правовое регулирование отсутствует, то всегда ли оно имеет место?

Во-вторых, непоименованность в гражданском праве не должна квалифицироваться как нечто исключительное и особое в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования. Участники гражданско-правовых отношений должны иметь гарантированную и Конституцией РФ, и ГК РФ степень свободы, которая позволяет им, действуя добросовестно и разумно, проявлять инициативность и своими действиями создавать новые правовые конструкции, которые в большей степени защитят их субъективные права и интересы.

Применительно к последнему утверждению заметим, что непоименованные явления часто в научной литературе называют еще и нетипичными [59]. Ради справедливости следует сказать, что для цивилистов такое словопотребление не является устоявшимся (хотя и нередко используемым), вместе с тем оно распространено в науке трудового права (нетипичные формы занятости, нетипичный трудовой договор), конституционного и административного права (нетипичные полномочия, нетипичные формы и модели государственного управления), процессуальных науках (нетипичные доказательства, нетипичные исполнительные документы).

Собственное понимание нетипичности сформировала и судебная практика в сфере гражданского оборота. Так, суды различного уровня называют разнообразными нетипичными явления: «нетипичное для данной сферы правоотношений поведение заявителя»¹, «нетипичную для гражданского оборота выгоду»², «нетипичные и не выгодные условия»³, «нетипичная для обычной хозяйственной деятельности

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 05.09.2019 г. № 305-ЭС14-7512(24) по делу № А40-84122/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Верховного Суда РФ от 18.11.2019 г. № 305-ЭС18-17474(6,7) по делу № А40-145500/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2018 г. № 308-ЭС17-14402(5) по делу № А53-2832/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должника *сделка*»¹, «нетипичный способ оплаты» и др. При этом суды не всегда, но все же поясняют, что они понимают под нетипичностью. В частности, к таким пояснениям следует отнести указание на то, что такой порядок был признан нетипичным, поскольку он отличается от «обычно применяемых в гражданском обороте»², или на то, что такое поведение «является скорее исключением, чем правилом»³. Таким образом, и доктрина, и правоприменение понимают под нетипичностью отступление от привычных, устоявшихся, сформировавшихся правил, форм взаимодействия, заведенного порядка и т. д.

В российской юридической литературе по гражданскому праву проблема нетипичности практически не обсуждается, несмотря на значительное упоминание о том в материалах судебной практики. В иностранной литературе интерес представляют научные работы, посвященные обоснованию недопустимости применения повышенной деликтной ответственности в случае осуществления необычной (нетипичной) деятельности, поскольку в этом случае вся остальная деятельность, являющаяся обычной, освобождается от более строгой ответственности [78].

Таким образом, признание явления нетипичным приводит к различным правовым последствиям в каждом конкретном случае. При этом само явление, которое признается нетипичным для данной конкретной ситуации или группы ситуаций, может быть как поименованным в законе, так и не являться таковым. Следовательно, критерии для выделения непоименованности и нетипичности не совпадают: для выделения непоименованности используется критерий включения явления в правовую сферу (его поименование), а для нетипичности – отступление от сложившегося порядка вещей. Различаются и правовые последствия нетипичности и непоименованности. Нетипичность яв-

ления влечет правовые последствия в случаях, установленных законом, и касается конкретной жизненной ситуации, оцениваемой с позиции ее обычности или исключительности. Вопрос непоименованности встает в случае оценки легитимности такого явления в принципе и разрешения споров, возникающих по поводу него, между участниками гражданско-правовых отношений.

Вместе с тем закономерным выглядит вопрос о том, можно ли говорить, что если, например, ГК РФ поименовал типы и виды гражданско-правовых договоров, то они и являются типичными для гражданского оборота? И в этом смысле отступление от данных типичных конструкций делает явление одновременно и непоименованным? В поддержку такого толкования встречаются следующие высказывания: «нормы права ориентируются обычно на типичное, а не на исключительное. Отсутствие правового регулирования исключительного и нетипичного является пробелом в праве» [60, с. 114].

Такая квалификация представляется ошибочной. Это связано с тем, что далеко не всегда наличие правового регулирования тех или иных отношений свидетельствует об их распространенности и типичности для гражданского оборота. Как известно, правовое регулирование может быть направлено и на предугадывание развития тех или иных отношений, на создание правовых основ для их формирования, другими словами, «работать на опережение». Соответственно, присутствие в текстах законодательных актов, даже очень подробно, установок правового регулирования еще не свидетельствует о том, что такие отношения вообще существуют или такое регулирование является востребованным. Для примера можно привести уже отмененные нормы ГК РФ об обществах с дополнительной ответственностью, которые не использовались на практике, или нормы ЖК РФ о договоре найма в жилищном фонде социального использования (некоммерческий наем жилых помещений), которые фактически не применяются в силу отсутствия соответствующего жилищного фонда.

Указанное позволяет резюмировать, что оснований для смешения данных правовых явлений не имеется. Одно и то же явление, безусловно, может быть одновременно отнесено к одной из указанных групп (типичное / нетипичное; поименованное / непоименованное),

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 г. № Ф05-7034/2019 по делу № А40-82265/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.06.2019 г. № Ф09-2043/18 по делу № А60-38681/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 г. № Ф05-7034/2019 по делу № А40-82265/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

однако их нельзя соотносить в разрезе понятий «род – вид» или «целое – часть».

В-третьих, непоименность – это понятие, которое неразрывно связано с термином «пробел в праве». Ранее проведенное исследование по этому вопросу [51, с. 406–408] позволило сформулировать несколько основных идей по поводу их соотношения. Суть их заключается в следующем:

– непоименность и пробел в праве нельзя отождествлять – каждое из этих понятий имеет собственное содержательное наполнение;

– пробел в праве – это констатация отсутствия (это то, чего не существует), тогда как непоименное явление – это, наоборот, фиксация наличия (это то, что реально имеется);

– пробел в праве и непоименность следует соотносить через призму категорий «причина» и «следствие», где наличие пробела является причиной появления непоименности (следствие).

Вместе с тем данные выводы требуют дальнейшего развития и уточнения.

Многочисленные общетеоретические исследования пробелов в праве дополняются отраслевым анализом данной проблематики [57]. Однако, несмотря на значительные научные усилия в данном направлении как зарубежных, так и российских ученых, считать устоявшимися можно лишь несколько постулатов, а отсутствие «постоянной прописки» в учебных курсах по теории права вопросов о пробелах в праве демонстрирует неоднозначность оценки учеными указанных вопросов [39, с. 732].

Для достижения цели настоящей работы сконцентрируем внимание на сходствах и отличиях понятий «пробел в гражданском праве» и «непоименность».

Первое, на что следует обратить внимание, – это характеристика пробела в праве с точки зрения этимологии самого термина. Большинство исследователей справедливо рассматривают пробел в переносном значении этого слова, понимая под ним определенное упущение, недостаток. Другими словами, пробел в праве оценивается как негативное явление¹, подлежащее устранению, а деятельность правоприменитель-

ных органов в условиях наличия пробела (для его восполнения) считается сложной и способной привести к ошибочным решениям. Соответственно, в основном исследовательские усилия направляются на изучение вопросов о выявлении (установлении) пробелов и их ликвидации.

Вместе с тем основания для отнесения непоименности в гражданском праве к негативным явлениям, с которыми необходимо бороться, отсутствуют. Появление непоименного явления в сфере гражданского оборота в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования должно оцениваться позитивно, за исключением случаев прямого законодательного запрета. Как справедливо отмечается в зарубежной литературе, «частное право ... содержит множество особенностей, которые делают его плохим претендентом на хорошо разработанный режим регулирования» [74].

Второй аспект соотношения данных понятий связан с моментом их появления. Момент возникновения непоименного явления, как представляется, сложностей не вызывает. Заключение непоименного договора, использование при обращении в суд непоименного способа защиты гражданских прав, включение в договор непоименного способа обеспечения исполнения обязательства и т. д. без каких-либо вопросов позволяют определить то, что непоименное явление появилось в реальной действительности.

В отношении пробела в праве единство мнений по указанному вопросу отсутствует. Исходя из общепризнанного понимания пробела в праве следует, что факт отсутствия в праве нормы, которая бы регулировала соответствующие общественные отношения, требующие такого воздействия, уже свидетельствует о появлении пробела. Однако выявление пробела, как правило, происходит в момент разрешения конкретного дела правоприменительным органом, что дает основание исследователям уточнять момент его возникновения. Так, некоторые из них полагают, что пробел в праве является некой ситуацией, в которой «факты или отношения законом не оцениваются, но профессиональное правосознание властно диктует необходимость их юридической квалификации» [53]. Другие ученые прямо указывают, что пробел в праве возникает в тех случаях, когда в процессе столкновения определенных интересов (личных или общественных) возникает не-

¹ «Аксиологическая оценка фрагментации права как явления негативного, аномального, создающего значительные трудности в правоприменении, не вызывает сомнений», – справедливо отмечается в юридической литературе (см. [19]).

обходимость юридической квалификации спорной ситуации (факта, отношения) и если необходимость такой квалификации охватывается правосознанием [54, с. 114]. В. В. Лазарев, разграничивая пробел в праве от иных понятий, отмечает, что такое разграничение связано, в конечном счете, с последующими действиями субъектов применения права [32, с. 16]. В основе таких воззрений лежат, представляется, как идеи дореволюционных российских юристов, которые относили вопросы о пробелах в праве к «догматике права, имеющей в виду потребности судебной практики» [34], так и одного из основоположников исследования пробелов в праве германского ученого Э. Циттельмана, который относил к настоящим пробелам только те ситуации, когда их наличие констатируется правоприменительными органами в момент необходимости принятия решения по конкретному спору, а закон либо «молчит», либо когда положения закона понятны, но в их рамках имеется вариативность возможностей, а в законе отсутствует предписание о том, какую из них предпочесть [84, S. 27].

Указанное означает, что существование ситуации пробельности права констатируется при обнаружении какого-то реально существующего отношения (факта, на основании которого оно возникло, объекта или субъекта данных отношений и др.), регулирование которого отсутствует, а ситуация непоименованности, соответственно, появляется, когда фиксируется наличие пробела в праве. Это подтверждает несомненную взаимосвязь пробела в праве и непоименованности.

Основополагающим общим учением, признающим существование универсальной закономерной связи всех вещей и явлений мира, является детерминизм, который, по справедливому высказыванию С. Н. Овчинникова, базируется на таких философских категориях, как закон, закономерность, причинность, необходимость и случайность, возможность и действительность, которые представляют собой методологическую базу для исследований в юриспруденции [38]. В цивилистической науке проблемы детерминизма практически не исследованы, а вопросы причинно-следственных связей затрагиваются исключительно в контексте изучения условий наступления гражданско-правовой ответственности [67].

Глубокое погружение в указанные проблемы не является задачей настоящей работы, поэтому, обратившись к достижениям ученых в данной области, сформулируем несколько основных идей, которые позволят выработать подходы к проблеме соотношения понятий пробела и непоименованности в гражданском праве.

Первоначально исходим из того, что использование детерминизма как методологической основы к изучению взаимосвязи пробелов в праве и непоименованности актуально, поскольку позволит на доктринальном уровне сформулировать выводы, значимые для юридической практики и позволит обнаружить и оценить влияние пробельности в праве на непоименованность.

Из всех многочисленных классификаций детерминации¹, предлагаемых в философской литературе, согласимся с тем, что применительно к общественным наукам детерминизм необходимо рассматривать как принцип, отражающий значимость причинно-следственных связей [10, с. 20], а среди классификаций причинной детерминации выделим взаимную причинность или функциональную зависимость [5; 8]. При этом общепризнанно, что причинность представляет собой связь, когда одно явление (причина) при строго определенных условиях с необходимостью порождает другое явление (следствие) [50].

Таким образом, пробел в праве является единственной причиной, которая порождает непоименованность, однако должны наличествовать и иные условия (детерминация условий), которые породят существование данного правового явления. При этом следствие в виде непоименованности может быть как необходимым, так и случайным, поскольку в определенных случаях может порождаться случайными событиями².

В качестве условий появления непоименованности следует назвать действия участников отношений по заключению договоров, не предусмотренных законом, или формулирование в

¹ Причинность, условие, связь состояний, структурная детерминация, корреляционная связь, целевая детерминация.

² Необходимость связи следствия с породившей его причиной не следует смешивать с вопросом о самом характере следствия: оно может быть необходимым или случайным. Случайными те или иные явления считаются не потому, что они не вытекают с необходимостью из своих причин, а потому, что они порождаются случайными событиями. Сама связь следствия с порождающей его причиной не может быть случайной (см. [62]).

исковом заявлении способа защиты, отсутствующего в действующих нормах права, или исполнение договора в отношении объекта права, не указанного в статье 128 ГК РФ. При этом случайность непоименованности, в контексте терминологии детерминизма, может быть следствием ошибки законодателя, который неверно исключил из регулирования те или иные сферы гражданско-правовых отношений.

Все вышесказанное позволяет вычленить следующие характеристики непоименованности в гражданском праве, которые следует отразить в ее итоговой дефиниции:

- непоименованность в гражданском праве – это ситуация, детерминированная пробелами в праве, а также дополнительными условиями в виде конкретных действий участников гражданско-правовых отношений;

- непоименованность в гражданском праве не является разновидностью нетипичности;

- непоименованность в гражданском праве относится к позитивным социальным явлениям, способствует развитию и совершенствованию гражданского оборота и является следствием реализации принципов свободы и инициативности.

Представляется, что для формулирования итогового определения непоименованности, а также выдвижения предположений об ее видовой характеристике требуется более детальный анализ пробела в праве, как причины появления непоименованности, и его классификационных групп.

Виды непоименованности в гражданском праве

Практически во всех исследованиях, посвященных пробелам в праве, дискуссия ведется в двух основных направлениях. Первое – это отграничение пробела в праве от иных правовых явлений, в первую очередь от ошибки в праве, квалифицированного молчания законодателя и мнимых пробелов. Второе – это выделение классификационных групп или видов пробелов в праве в зависимости от различных критериев.

В отношении первого направления повторим идею, аргументированную нами ранее [51, с. 406–407], о том, что для целей выявления связи пробела и непоименованности подобное отграничение не имеет никакого значения. Данный вывод основывается на том, что в ос-

нове разграничения указанных явлений лежит субъективный критерий (намеренное или ненамеренное поведение законодателя), установить наличие которого на практике часто просто не представляется возможным. Кроме того, для констатации непоименованности достаточно выявления существования пробела в праве, а вот для признания легитимности или нелегитимности существующего непоименованного явления, использования инструментария гражданского права для разрешения конкретного спора в отношении такого явления следует действовать все предложения и рекомендации, которые высказали ученые по вопросам преодоления (восполнения) пробелов.

В отношении предлагаемых в литературе классификаций пробелов следует отметить их многообразие и вариативность используемых критериев. Среди исторически первого обратим внимание на деление пробелов на настоящие и ненастоящие, предложенное Эрнстом Цительманом, уже упомянутое выше. В основе такого деления, как представляется, лежит его значимость для разрешения спора: если правоприменительный орган затрудняется с вынесением решения в силу наличия пробела – то перед нами пробел настоящий, если же правовое предписание отсутствует, но правоприменение или пока не сталкивается с этим вопросом, или не испытывает сложностей в разрешении спора – то пробел квалифицируется как ненастоящий.

Отметим классификацию пробелов, предложенную немецким ученым Адольфом Келлером [70] и уточненную В. В. Лазаревым [32, с. 16–17], ее критерием называется та основа, на базе которой делается вывод о существовании пробелов: пробелы, устанавливаемые из самого законодательства, и пробелы, устанавливаемые на основе анализа факторов, существующих вне рамок закона (экономические потребности, правовое сознание, юридическая практика). Вместе с тем уточним, что немецкий правовед акцентирует внимание на установлении пробелов из закона и из телеологии закона (общих принципов и всеобщих правовых ценностей).

В. В. Лазарев не соглашается с выделением пробелов *de lege lata* и *de lege ferenda*, полагая, что устранение пробелов может быть адресовано исключительно законодателю, а правоприменительный орган лишь преодолевает пробелы с помощью различных средств [32, с. 11].

В зависимости от причины возникновения пробелов говорят об объективных и субъективных пробелах, а субъективные пробелы, в свою очередь, могут быть простительными или непростительными [70, S. 66–67].

В современных российских диссертационных исследованиях указанные выше классификации уточняются и конкретизируются. Так, Ф. Р. Уранский [55, с. 8] предложил 5 видов пробелов в праве: правовой вакуум¹, неполноту правовой нормы², квалифицированный пробел³, условный (коллизийный) пробел⁴, реальный пробел⁵. В работе О. С. Панасюк обоснована классификация пробелов в праве на: абсолютные (полные); относительные (частичные); коллизийные [40]. Е. И. Спектор полагает, что все возможные классификационные деления пробелов на виды в конечном итоге основаны на единственном критерии – на приемлемой для данной правовой системы компетенции государственных органов: пробел либо восполняется законодателем, либо преодолевается правоприменителем (судьей) [49].

Как видно из приведенных примеров, все виды пробелов в праве или предлагаемые классификационные группы можно разбить на три основные группы: по причинам возникновения пробелов; по порядку и критериям их установления (выявления); по способам их устранения (восполнения) или преодоления. Так, в частности, классификацию пробелов на субъективные и объективные можно отнести к первой из указанных групп, классификацию пробелов, сформулированную А. Келлером и В. В. Лазаревым, – ко второй, а классификацию пробелов на *de lege lata* и *de lege ferenda* – к третьей.

Первая из указанных групп классификаций, как представляется, не имеет ценности для характеристики непоименованности. Возникла

ли непоименованность в силу субъективного усмотрения или объективных факторов, неосознанно или намеренно, по уважительным (простительным) или неуважительным (непростительным) причинам – все это не имеет правового значения для непоименованного явления и разрешения спора в отношении сложившейся ситуации.

Значимыми в контексте причинности непоименованности и пробела в праве следует признать классификации второй группы, где пробелы в праве подразделяются в зависимости от порядка их установления (выявления). Акцент при такой характеристике следует сделать на два момента.

Первый связан с самим фактом установления наличия пробела и, как следствие, непоименованности, основан исключительно на отсутствии норм гражданского законодательства или отсутствии норм гражданского права в иных источниках. Так, в цивилистической науке, например, применительно к способам защиты гражданских прав дискутируется вопрос о том, можно ли считать способ непоименованным, если он: а) не указан в статье 12 ГК РФ, в которой перечислены способы защиты гражданских прав; б) не указан в иных статьях ГК РФ, применительно к отдельным видам общественных отношений; в) отсутствует в тексте ГК РФ, но признан допустимым в разъяснениях высшей судебной инстанции; г) отсутствует в нормах ГК РФ и иных законов, но упоминается в нормах гражданского права, содержащихся в иных актах, допускаемых статьей 3 ГК РФ (указах Президента РФ, постановлениях Правительства РФ, ведомственных актах); д) вообще нигде не упоминается.

Таким образом, следует признать значимым деление непоименованности в гражданском праве на непоименованность, устанавливаемую на основе норм гражданского законодательства, и непоименованность, устанавливаемую на основе норм гражданского права, содержащихся в иных источниках.

Второй момент касается вопроса оценки (толкования) норм законодательства с целью выявления наличия или отсутствия пробела и непоименованности. Ведь в ряде случаев выяснение намерения (цели) законодательного регулирования позволяет установить допустимость использования тех или иных непоименованных конструкций в гражданском праве.

¹ Может быть обусловлен неучтенностью той или иной ситуации при разработке закона, возникновением новых общественных отношений после издания конкретного закона.

² Выражена в неурегулированности порядка применения закона, в наличии отсылки к актам, которые не приняты, и т. п.

³ Понимается как правовая ситуация, возникающая в случае формального действия правовой нормы, создающей препятствие на пути обычной хозяйственной практики; не может быть восполнен на основании судебного решения.

⁴ Вызван противоречивостью правовых норм.

⁵ Состоит в отсутствии законодательно подтвержденной расшифровки отдельных правовых понятий и терминов, имеющих принципиальное значение для всего процесса правового регулирования.

Примером значимости данной классификации являются высказывания ученых в сфере применения норм об обходе закона: «Обладая набором типичных правовых средств достижения определенного результата, субъекты гражданских отношений, обходя закон, разрабатывают нетипичные схемы с использованием новых непоименованных правовых средств и т. д. В таком случае универсальным средством пресечения подобного поведения как раз и выступает запрет обхода закона» [11]. Зарубежные ученые давно обсуждают проблемы учета законодательных намерений при принятии тех или иных норм права, отмечая, что без этого сложно безошибочно раскрыть содержание положений закона, при этом неважно, кажется ли иным участникам отношений такое мнение уместным или нет [71].

Третья классификация пробелов по способам их устранения и восполнения может быть использована в отношении непоименованности в части восполнения пробелов. Соглашаясь с мнением тех ученых, кто полагает, что судебные органы лишь восполняют (преодолевают) пробелы, тогда как законодательные органы должны их устранять, исходим из того, что именно на этом этапе правоприменительные органы констатируют существование непоименованного явления и разрешают дело по существу. При этом в большинстве правовых исследований после констатации обнаружения пробела выдвигается тезис о необходимости его восполнения, прибегая к аналогии закона или права. Однако пропускается достаточно важный этап работы судебного органа, поскольку ученые смотрят на этот процесс с позиции нормы права и восполнения пробела. Если же посмотреть на проблему с позиции непоименованного явления, то первое, что должен выяснить правоприменительный орган, – это допустимость его существования.

Именно в разрезе деления пробелов с точки зрения их восполнения следует развивать ранее предложенную нами классификацию непоименованности на разрешенную, допускаемую, запрещенную и альтернативную.

Разрешенная непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором его существование прямо допускается нормами гражданского права. Ярким примером такой непоименованности явля-

ется статья 421 ГК РФ, позволяющая заключать договор как предусмотренный, так и не предусмотренный нормами ГК РФ.

Допускаемая непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором нормы гражданского права прогнозируют развитие общественных отношений и позволяют появление новых правовых явлений, которые не будут зафиксированы как видовое понятие, но обладают признаками понятия родового. В качестве иллюстрации такой непоименованности можно привести положения статьи 8 ГК РФ, в которой допускается возникновение гражданских прав и обязанностей не только из фактов, прямо названных законом, но и из действий граждан и юридических лиц, которые в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

Запрещенная непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором нормы гражданского права прямо отрицают возможность его появления. Речь идет о закрытых перечнях, касающихся компетенции органов управления юридических лиц, или оснований принудительного прекращения права собственности, дополнять которые участники гражданско-правовых отношений произвольно не могут, а также о прямых законодательных запретах, императивно закрепленных в ГК РФ. Например, в статье 66 ГК РФ установлено, что законом может быть запрещено участие отдельных категорий лиц в хозяйственных товариществах и обществах.

Альтернативная непоименованность – это наличие гражданско-правового явления, являющегося следствием такого правового регулирования, при котором нормы гражданского права позволяют правоприменительным органам разрешить вопрос о его легитимности, учитывая императивный или диспозитивный характер указанной нормы. Другими словами, альтернативная непоименованность существует в случае отсутствия определенности в решении законодателя о допустимости или недопустимости непоименованности. Например, когда речь идет о закрытых перечнях оснований для расторжения договоров и оценки допустимости для сторон его дополнения в рамках конкретных договоров.

Данная классификация непоименованности является основополагающей для правоприменительных органов на стадии установления легитимности непоименованного правового явления.

В завершение вопроса о видах непоименованности в гражданском праве предложим еще одну классификацию, не основанную на ее взаимосвязи с пробелами в праве. Она лежит на поверхности, но, как представляется, может быть отправной точкой для дальнейшего изложения и систематизации вопросов о непоименованности в силу доктринальной пробельности данного вопроса. Непоименованными в законе учеными называются не только явления реальной действительности (факты, способы защиты, объекты и т. д.), но и те правовые формы, в которые они облекаются (правоотношения, субъективные права, обременения и т. д.). Это вполне понятно, поскольку, например, непоименованный договор, как юридический факт, порождает существование непоименованных субъективных прав и обязанностей (непоименованное правоотношение). Это позволяет оценивать непоименованность не только с позиции фактически отношений, но и с позиции принимаемых ими правовых форм. Вместе с тем все же большинство непоименованных явлений являются явлениями фактического порядка, которые имеют место в реальной жизни. Основываясь на общепризнанном в правоведении понимании общественных отношений и их элементов, к ним следует отнести: а) факты реальной действительности, влекущие наступление гражданско-правовых последствий (юридические факты); б) объекты общественных отношений; в) субъекты общественных отношений. Самую большую группу непоименованности составляют, безусловно, юридические факты в силу их многообразия. Речь идет о непоименованности не только в рамках установленных классификационных групп (действия / события, акты / поступки и т. д.), но и об отдельных видах юридических фактов. В частности, цивилисты обоснованно рассуждают о сфере допустимости непоименованных односторонних сделок¹, о непоименованных осно-

ваниях прекращения обязательств² (в том числе непоименованных основаниях расторжения договора), непоименованных обеспечительных мерах³ и т. д.

Применительно к правовым формам общественных отношений и их элементам следует выделить непоименованность а) субъективных прав, б) юридических обязанностей, в) гражданских правоотношений, г) обременений. Помимо этого, считаем возможным говорить о непоименованных секундарных правах, интересах, а также кредиторских обязанностях.

Таким образом, в зависимости от вида непоименованного явления предлагается выделить непоименованность общественных (фактических, реальных) отношений и их элементов и непоименованность правовых форм общественных отношений и их элементов.

Обратимся к анализу отдельных непоименованных явлений в гражданском праве более подробно.

Непоименованные явления реальной действительности в гражданском праве

Непоименованные субъекты гражданского права. Общеизвестно, что перечень субъектов гражданского права императивно установлен в подразделе 2 раздела I ГК РФ и включает граждан, юридических лиц, РФ, субъектов РФ и муниципальные образования. Попытки отнести к субъектам гражданского права иных участников отношений нельзя признать легитимными, поскольку перед нами запрещенная непоименованность. В таких условиях обсуждение вопроса о непоименованных субъектах гражданского права выглядит излишним. Вместе с тем данная проблема не представляется столь простой, как кажется на первый взгляд. Так, следует констатировать, что в российской

которые не предусмотрены законом, но не противоречат ему (см. [45]).

² Поэтому в законодательство можно было бы внести норму о том, что обязательство прекращается не только надлежащим исполнением, но и осмысленным принятием кредитором ненадлежащего исполнения в счет договора. На данный момент разумнее говорить о непоименованном способе прекращения обязательства (см. [25, гл. 3, § 2]).

³ Перечень обеспечительных мер открытый: в необходимых случаях судья или суд может принять иные меры по обеспечению иска, не предусмотренные соответственно ГПК РФ и АПК РФ. ... При выборе подходящих «непоименованных» обеспечительных мер суду следует руководствоваться принципом целесообразности и нормами применимого материального права (см. [43]).

¹ Так, в частности, приводятся аргументы в пользу возможности существования непоименованных (ни в позитивном праве, ни в соглашении сторон) односторонних сделок. К ним отнесены телеологические доводы, а также ссылки на подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ, который недвусмысленно допускает существование односторонних сделок,

и зарубежной правовой литературе за последние десятилетия сложилось целое научное направление по обоснованию возможности отнесения животных к субъектам права в целом и субъектам гражданского права в частности. И если российские ученые, обнаруживающие в отечественном законодательстве обороты, характерные для признания животных субъектами права¹, преимущественно констатируют абсурдность их использования [14], то в зарубежной литературе, как минимум, обосновывается необходимость отдельной правовой категории для животных, которая отличается от их понимания как объекта права собственности и субъекта права [81]. Одновременно с этим приводятся аргументы и в пользу обоснования иных альтернатив. Так, популярной является не только теория измененного статуса собственности [68] для таких объектов, как животные, но и внедрение модели опеки [69] – приравнивание животных к таким субъектам, как малолетние дети и лица, признанные недееспособными. Ученые отмечают наличие отношений правового характера между человеком и животным, которые требуют от человека функции контроля и меры ответственности за них, а в отношении домашних животных пытаются обосновать концепцию «семьи», но не как субъекта права, а как особой общности, понимание которой разнообразно для различных людей [80].

Таким образом, противоречивые положения многочисленных российских законодательных актов в отношении животных и животного мира, а также имеющиеся тенденции по данной проблеме за рубежом приводят не только к «подхватыванию» данных идей российскими учеными², но и к возможному появлению непоименованного на данный момент субъекта гражданского права.

¹ Например, жизнь или здоровье животных.

² А. П. Анисимов обосновывает, например, следующее: «Домашние животные должны получить статус особого субъекта гражданского права вместо сегодняшнего статуса “особого объекта гражданского права”». При этом ученый, с одной стороны, отмечает, что ряд элементов правоспособности граждан животным чужды (право осуществлять предпринимательскую деятельность), однако, с другой стороны, указывает, что некоторые из этих элементов уже имеют опыт реализации в других странах либо теоретически могут быть реализованы (право на имя, права авторов, право наследовать имущество). Отрицается исследователем возможность для животных обладать обязанностями и быть привлеченными к юридической ответственности (см. [2]).

Еще одним аспектом указанного вопроса является проблема «коллективных субъектов права». В частности, речь идет и о групповых исках, которые совсем недавно были легализованы в российском правовом порядке. Применительно, например, к США ученые отмечали, что жесткость норм общего права не позволяла американским судам обеспечивать защиту «неизвестных, непоименованных или не участвующих лиц, чьи интересы в споре могут заключаться в рассмотрении дела», и лишь практическая необходимость заставила их использовать институт представительского иска [21].

Особую актуальность приобретают в последние годы дискуссии о статусе отдельных гражданско-правовых сообществ, которые являются неправосубъектными объединениями, но которые наделены правом сообща реализовывать субъективные права и защищать их. Как справедливо отмечают исследователи, это является «одним из примеров непоименованной в отечественном законодательстве, но хорошо известной зарубежному договорному праву совместной множественности» [27]. Это касается и отдельных корпоративных прав (например, реализации и защиты права созыва внеочередного общего собрания акционерами, обладающими в совокупности 10 % голосующих акций общества), и жилищных прав, реализуемых и защищаемых участниками общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме и др.

Таким образом, императивно закрепленный перечень из пяти субъектов гражданского права фактически на сегодняшний день может быть дополнен иными непоименованными субъектами с отдельным обоснованием и дополнительной аргументацией. Вполне допустимо, что при определенных условиях перечень поименованных субъектов гражданского права может быть дополнен в обозримом будущем³.

Непоименованные объекты гражданского права. Данный вид непоименованности следует отнести к запрещенной, поскольку доктрина аксиоматично исходит из необходимости наличия одного из базовых признаков любого

³ В зарубежной юридической литературе уже обсуждаются проблемы гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный автономными автомобилями, появление которых уже данность сегодняшнего дня (см. [79]).

объекта права – его «юридического признания», т. е. закрепление в законе в качестве такового. Это выражается в справедливых категоричных утверждениях о том, что непоименованных объектов гражданских прав вообще существовать не может.

Вместе с тем перечень объектов гражданских прав, поименованный в статье 128 ГК РФ, открывает достаточно широкое поле для дискуссии об отнесении тех или иных явлений реальной действительности к соответствующему объекту гражданского права, в первую очередь в силу открытой позиции по такому объекту, как «иное имущество». Например, животные, о которых ГК РФ упоминает в статье 137, в качестве самостоятельного объекта гражданских прав не названы, а их безапелляционное отнесение к имуществу, как минимум, спорно, поскольку ГК РФ использует оборот о том, что к животным **применяются** общие правила об имуществе. Кроме того, вопрос о поименованности или непоименованности отдельных объектов связан с отсутствием общепризнанного доктринального и практического понимания многих объектов гражданских прав, названных в качестве родовых понятий: речь идет и о понятии имущества [61], и о понятии имущественных прав [36; 64], и даже о понятии вещи [48]. В такой ситуации постоянно возникает вопрос о необходимости доказывания возможности отнесения тех или иных видовых понятий к различным объектам гражданских прав, что не может не дестабилизировать гражданский оборот. Наглядно это представлено в научных исследованиях, где критикуется позиция о допустимости отнесения непоименованных вещей к недвижимости, поскольку это приводит к необходимости судебного доказывания данного факта и, соответственно, усложнению гражданского оборота. Законодатель в таких условиях стремится к тотальному перечислению в законе объектов, которые можно было бы отнести к недвижимому имуществу [41].

Российская цивилистическая литература обилует многочисленными примерами, опираясь на которые ученые обосновывают необходимость совершенствования и развития теории гражданского права в аспекте объектоспособности различных благ. Речь идет и о возможно-

сти признания в качестве таковых договоров и сделок¹, и о возвращении в статье 128 ГК РФ информации², и о спорности правовой квалификации доли в качестве объекта гражданских прав³.

Серьезная научная дискуссия [9] сопровождает и процесс появления новых объектов гражданских прав, вызванных цифровизацией. И российские, и зарубежные исследователи обсуждают объектоспособность цифровых прав, криптовалют, токенов, больших объемов информации в гражданском праве [77; 83].

Серьезную полемику в зарубежной литературе вызвал вопрос о возможности отнесения к самостоятельному объекту наследования аккаунта в социальной сети. На примере решений судебных инстанций Германии, выносивших различные вердикты, обосновывается вывод о возможности включения аккаунта (договора об учетной записи (аккаунте) в социальных сетях) в наследственную массу и признания за ним статуса объекта, подлежащего наследованию [75].

Резюмируя, укажем, что появление непоименованных объектов гражданских прав – реальность сегодняшней действительности. Правоприменительные органы в этом случае могут занять лишь две позиции: либо отказывать в защите прав участникам гражданско-правовых отношений в силу непоименованности данных объектов в законе, что достаточно часто имеет место⁴, либо относить данные объекты к уже

¹ Ученые по этому поводу пишут: «Совершенно естественно, что развитие и диверсификация экономических и предпринимательских отношений неумолимо приводят к диверсификации, усложнению, расширению числа и т.п., в том числе видов объектов гражданских прав (правоотношений). Гражданская правообъектность срочных договоров еще не так рельефна, как правообъектность закрепляемых ими имущественных прав, однако ее проявления будут стремительно развиваться вслед за развитием срочного рынка и рыночной экономики в целом» [1].

² По гражданскому законодательству, нормы федеральных законов не должны противоречить Гражданскому кодексу, в связи с чем информация, как непоименованный в ст. 128 объект гражданских прав, таковым признаваться на данный момент не может. Соответственно, информация может являться объектом гражданско-правовых отношений только в качестве составной части объекта, подлежащего гражданско-правовой защите, не становясь при этом самостоятельным элементом правовой системы (см. [26]).

³ Речь идет и о долях в уставном капитале хозяйственных обществ, и о долях в праве собственности на объекты недвижимого имущества (см., например, [56; 58]).

⁴ Например, апелляционные определения: Московского городского суда от 24.10.2019 г. по делу № 33-45558/2019; Ульяновского областного суда от 31.07.2018 г. по делу

поименованным в законе родовым объектам, что вполне возможно в силу отсутствия законодательных дефиниций и общепризнанных признаков¹.

Непоименованные юридические факты гражданского права. Как уже было отмечено выше, согласно статье 8 ГК РФ, посвященной юридическим фактам, перечень юридических фактов гражданского права не является закрытым, что дает основание говорить о существовании допускаемой непоименованности применительно к указанному явлению. Вместе с тем подобная непоименованность возможна только в отношении таких юридических фактов, как действия граждан и юридических лиц. Соответственно, события или действия, например, публичных органов не могут порождать гражданско-правовые последствия, если они прямо не поименованы.

Помимо этого, закрытый перечень установлен в статье 8 ГК РФ в отношении оснований *возникновения* гражданских прав и обязанностей. Таким образом, положения ГК РФ не охватывают своим содержанием юридические факты, которые прекращают или изменяют гражданские права и обязанности, а также порождают иные значимые гражданско-правовые последствия.

С непоименованностью различных явлений реальной действительности цивилистическая наука сталкивается применительно к многочисленным случаям фиксации открытых или закрытых перечней оснований расторжения и прекращения договоров, оснований возникновения и прекращения права собственности и иных вещных прав, мер ответственности и способов защиты гражданских прав и многих других ситуаций. Рамки данной работы не позволяют даже путем общего описания перечислить все возможные складывающиеся в этой сфере ситуации, однако именно в этой области с позиции судебного толкования распространена альтернативная непоименованность. Судебные

органы, имея в арсенале разъяснения ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах»² (далее – Постановление № 16), получают возможность в каждом конкретном случае признать соответствующие непоименованные основание / компетенцию / меру / способ либо допустимыми в силу диспозитивности гражданско-правового регулирования, либо недопустимыми в силу императивности соответствующих норм.

Поясним сказанное на примерах с основаниями расторжения договора. Статья 698 ГК РФ закрепляет закрытые перечни оснований досрочного расторжения договора ссуды по инициативе ссудополучателя и ссудодателя, аналогичная ситуация существует и в отношении договора коммерческого найма жилого помещения, расторгаемого по инициативе наймодателя (ст. 685 ГК РФ). Существует ли возможность включения в договор ссуды или договора найма иного, не поименованного в данных статьях, основания для расторжения договора? Допускает ли подобную непоименованность ГК РФ? Следуя аргументам Постановления № 16, полагаем, что указанные нормы не являются императивными, поскольку не содержат явно выраженного запрета на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила. Вместе с тем возможно привести и аргументы в пользу их императивного характера, который может быть обоснован исходя из целей законодательного регулирования: нетипичной для гражданского оборота безвозмездности указанных отношений (ссуда) или необходимости защиты слабой стороны правоотношений – проживающего лица (наем).

Обратимся теперь более подробно к **непоименованным способам защиты гражданских прав**. Учение о защите гражданских прав представляет собой самостоятельное учение в цивилистике и напрямую не освещается в привязке к юридическим фактам гражданского права. Вместе с тем применение участниками отношений большинства способов защиты гражданских прав можно рассматривать и через призму фактов реальной действительности, которые порождают гражданско-правовые последствия, правда, в большинстве своем эти

№ 33-3142/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Так, ученые отмечают, что установление наличия определенных признаков дает основание «превратить непоименованный в законе объект в охраняемый объект авторского права ... Несмотря на отсутствие упоминаний в законе, в науке описывается охраноспособность мелодии, кадра кинематографического произведения, персонажа (см. [33]).

² О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

последствия не связаны с динамикой гражданских правоотношений.

Проблематика непоименованности способов защиты гражданских прав занимает почетное третье место по обращению к ней ученых, уступая лишь проблематике непоименованных договоров и способов обеспечения исполнения обязательств. На первый взгляд и цивилисты, и процессуалисты едины в том, что непоименованные способы защиты гражданских прав, безусловно, имеют право на существование. Так, например, В. В. Ярков, описывая предмет иска, беспелляционно утверждает, что в качестве одного из его составляющих выступает способ защиты субъективного права либо охраняемого законом интереса, который может либо прямо содержаться в законе, либо быть непоименованным [3].

Вместе с тем выводы, сформулированные в специальных исследованиях ученых в этой сфере, уже не столь категоричны.

Как было отмечено выше, не решен вопрос о том, что считать непоименованными способами защиты – только те, которые отсутствуют в статье 12 ГК РФ, или те, которые не указаны в любых статьях ГК РФ, или те, которые не упоминаются в судебных решениях, или те, которые вообще нигде не упоминаются, но могут быть применены исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства? Так, многие цивилисты полагают правильным первый подход и относят к непоименованным способам защиты, например, иск о понуждении к заключению договора [42] или требование о переводе прав и обязанностей покупателя по договору, заключенному с нарушением преимущественного права собственников на покупку доли в праве общей долевой собственности [46]. Другие, используют категорию непоименованности в отношении исков, названных в судебной практике (например, иск о признании права или обременения отсутствующими [23] или о требовании о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам [12]). Представляется, что первые три ситуации могут вызывать дискуссии в доктринальном плане, но не вызывают сложностей у правоприменительных органов. Если ГК РФ упоминает о соответствующем способе защиты или какой-то способ разрешен в разъяснениях высших судебных инстанций, то вероятность применения судом данного способа защиты

субъективного гражданского права приближается к максимально возможной. Другое дело, способы, вообще не упоминаемые в источниках гражданского права. Вот здесь в теории должны быть высказаны серьезные аргументы и обоснована природа указанной непоименованности.

Для решения данной проблемы ряд исследователей предлагают предоставить субъекту права использовать любые непоименованные способы защиты, не запрещенные законом [47] или вытекающие из него [63], другими словами, отнести данную непоименованность к допускаемой. Это даст свободу правоприменительным органам для расширения сферы способов защиты гражданских прав и интересов, что в конечном счете позитивно отразится на гражданском обороте. В действующих условиях судебные органы в большинстве случаев не берут на себя ответственность в расширительном толковании непоименованности способов защиты, буквально трактуя положения статьи 12 ГК РФ, которая позволяет квалифицировать непоименованность способов защиты в качестве запрещенной.

Указанная трактовка дает основание цивилистам отрицать возможность непоименованных способов защиты в различных частных случаях. Так, Ю. П. Свит применительно к требованиям, вытекающим из закона о банкротстве¹, указывает: «Кредиторы вправе самостоятельно выбрать способ распоряжения требованием из числа предусмотренных Законом о банкротстве. Распоряжение правом требования способом, непоименованным в Законе о банкротстве, не допускается» [44]. Безуспешно ученые пытаются убедить судебные органы в допустимости использования без ограничений такого способа защиты [13], как принесение извинения, несмотря на тот факт, что пункт 2 статьи 150 ГК РФ прямо указывает, что нематериальные блага защищаются не только в соответствии с ГК РФ и другими законами в случаях и порядке, ими предусмотренными, но также и в случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушен-

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43, ст. 4190.

ного нематериального права и характера последствий этого нарушения¹.

Вместе с тем нельзя игнорировать и существование иных примеров в правоприменительной практике. Так, истцом было предъявлено требование о признании действий по уведомлению о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии, совершенных ответчиком в форме письма, незаконными. Суть спора заключалась в том, что крестьянско-фермерское хозяйство (далее – КФХ) не соглашалось с «Саратовэнерго» в расчетах за поставленную энергию, но вынуждено было оплачивать эти счета, поскольку Общество использовало внесудебную процедуру и уведомляло о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии. Нижестоящие инстанции отказали КФХ в защите лишь на том основании, что им выбран неверный способ защиты права, не указанный в законе. ВС РФ отметил, что направление Обществом уведомлений об ограничении приобрело системный характер в силу возникших между сторонами договора энергоснабжения разногласий о приборе учета, который должен использоваться в расчетах за поставленную электрическую энергию. Общество, не реализуя право на обращение в арбитражный суд с иском о взыскании с КФХ задолженности или с иным иском, рассмотрение которого внесет определенность в правоотношения сторон по расчетам, использует несудебную процедуру с целью понудить истца произвести оплату долга. Также ВС РФ указал, что заявленное требование по своей природе является требованием о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, носит превентивный характер, направлен на исключение угрозы материальному праву истца, предупреждение вредных последствий таких действий. При таких обстоятельствах выбранный КФХ способ защи-

ты является надлежащим, соотносится с правом истца самостоятельно определить наиболее эффективный способ защиты права из предусмотренных законодательством способов².

Приведенный пример демонстрирует, что не поименованный напрямую способ защиты был разрешен судом, с использованием ранее обоснованного нами инструментария о наделении видового понятия признаками родового. Требование о признании действий по уведомлению незаконными, не поименованное в законе, было отнесено к требованию о пресечении действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, которое прямо закреплено в статье 12 ГК РФ. Но как мы видим, смелость в подобной квалификации проявил лишь Верховный Суд РФ.

Именно поэтому относимся с достаточной долей осторожности к предложениям исследователей [20, § 4] о возможности допущения разрешенной непоименованности способов защиты гражданских прав, восприняв опыт, например, украинского гражданского законодательства. Так, согласно части 2 статьи 16 Гражданского кодекса Украины³, суд может защитить гражданское право или интерес не только способами защиты, закрепленными в части 1 статьи 16 ГК Украины, но и иным способом, установленным договором или законом. В этой связи украинские цивилисты [73; 82] обсуждают сложности и проблемы применения судами не поименованных в законе способов защиты частных прав.

Таким образом, ситуация в сфере непоименованных способов защиты гражданских прав в России мало чем отличается от непоименованности иных явлений. Представляется, что следует согласиться с доводами тех исследователей, кто обосновывает необходимость закрепления на первом этапе в российском гражданском законодательстве допустимой непоименованности способов защиты гражданских прав, что позволит расширить диспозитивный потенциал гражданско-правового регулирования и послужит основой для дальнейшего расширения сферы данной непоименованности и отнесения ее к разрешенной.

¹ При этом заметим, что, согласно абз. 3 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», установлено право суда на утверждение мирового соглашения, в соответствии с которым стороны по обоюдному согласию предусмотрели принятие ответчиком извинения в связи с распространением не соответствующих действительности порочащих сведений в отношении истца, поскольку это не нарушает прав и законных интересов других лиц и не противоречит закону, который не содержит такого запрета // Бюл. Верхов. Суда РФ. 2005. № 4.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 15.04.2019 г. № 306-ЭС18-20653. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1760370 (дата обращения: 23.10.2019).

³ Цивільний кодекс України: вступив у чинність 01.01.2004. (ред. від 02.08.2018). URL: <https://urist-ua.net/> (дата обращения: 23.10.2019).

Непоименованные правовые формы в гражданском праве

Конструкции возможного и должного требуют автономного анализа с позиции их непоименованности, несмотря на то, что являются моделями реально существующих общественных отношений, поскольку именно с ними работают юристы-теоретики и юристы-практики. Данная группа непоименованности требует самостоятельного рассмотрения еще и потому, что не всегда фактические общественные отношения и их элементы могут быть отображены в правовой сфере в виде соответствующих правовых форм¹. Также следует добавить, что в отличие от непоименованности явлений фактического порядка, установление которой правоприменительными органами сводится к разрешению вопроса о ее допустимости, акцент непоименованности правовых форм уже смещается в сторону их содержательного наполнения. Другими словами, для разрешения спора судам необходимо установить перечень возможностей и долженствований, которые принадлежат участникам непоименованных правовых форм, и разрешить спор по существу.

Известно, что наиболее распространенной правовой формой является правоотношение, которое представляет собой связку субъективного права и юридической обязанности. Проанализируем непоименованность указанных правовых форм.

Непоименованное правоотношение – редко употребляемое понятие в работах цивилистов, за исключением разве что работ, посвященных проблематике непоименованных договоров. Так, обсуждая проблему дифференциации в гражданском праве, В. В. Груднев называет поименованные и непоименованные гражданские правоотношения основанием для распада цивилистической отрасли на отдельные элементы (в первую очередь, на подотрасли и институты) [15], а Д. В. Гудков, квалифицируя отношения

сторон до разрешения отлагательного условия, приводит одно из мнений, в соответствии с которым эти отношения должны считаться непоименованным правоотношением, возможно договорным, которое может перерасти в договор купли-продажи [16].

Основываясь на понимании, ставшем аксиоматичным в юридической литературе, резюмируем, что гражданское правоотношение может быть отнесено к непоименованным, если оно: а) возникло на основании непоименованного юридического факта; б) содержит непоименованные субъективные права или юридические обязанности. О непоименованных юридических фактах речь шла выше, поэтому обратимся к непоименованным субъективным правам и юридическим обязанностям.

Разработанность проблематики непоименованных договоров не оставляет сомнения в возможности существования непоименованных договорных субъективных прав и договорных юридических обязанностей, элементы которых (правомочия и необходимости) устанавливаются судами в каждом конкретном случае, используя уже наработанные рекомендации судебных органов по данному вопросу.

Значительно сложнее обстоит дело с иными видами субъективных гражданских прав: иных обязательственных (не договорных прав), а также вещных прав. Возможно ли в настоящий момент говорить о их существовании?

В отношении вещных прав нами разделяется мнение о том, что непоименованных вещных прав существовать не может. Е. А. Суханов справедливо цитирует ученых, утверждающих, что со времен римского права допускается существование непоименованных («безымянных») контрактов, но невозможно появление «непоименованных вещных прав» [52]. Вместе с тем непоследовательность российского законодательства в указанной сфере и отсутствие единства взглядов в российской доктрине на понятие и признаки вещных прав приводят к регулярному доказыванию наличия непоименованных вещных прав.

В качестве примера можно привести обоснование закрепления на непоименованном ограниченном вещном праве золотого запаса Банка России [30], или аргументацию существования непоименованного абсолютного права, объектом которого выступают имуществ-

¹ Поясним, что факты реальной действительности отображаются в правовой сфере в виде моделей различных долженствований и возможностей (правовых форм). При этом, например, субъект как элемент фактических отношений в правовой материи отражается в виде такой правовой формы, как правовое положение, а общественное отношение – в виде правоотношения. Заметим, что, например, факты реальной действительности (юридические факты) такой формы не имеют, хотя существуют предложения по наименованию данной формы, которые, однако, далее не раскрываются даже самим их автором.

венные права [7], или выводы об открытом перечне целей установления сервитутов, что дает основание для суждений о наличии непоименованных сервитутов [24]. Выражением прямо противоположного взгляда на разделяемую нами позицию является классификация вещных прав, предложенная Е. А. Бариновой, в соответствии с которой вещные права предлагается разделить на поименованные в законе в качестве вещных (ст. 216 ГК РФ) и непоименованные¹.

Как представляется, дискуссия по данному вопросу продолжится до тех пор, пока российский законодатель не займет четкую позицию в вопросе о принятии (либо непринятии) принципа *numerus clausus*. Общемировые и европейские тенденции демонстрируют постепенный отказ от «предварительного ультимативного контроля создаваемых вещных ограничений (обременений) прав, согласно которому стороны обязаны действовать в соответствии с исчерпывающим перечнем достаточно строгих моделей» [31], и переход к более гибким схемам, позволяющим участникам гражданско-правовых отношений устанавливать новые вещные права при условии создания последующего (процессуального) контроля, основанного в первую очередь на законодательно закрепленных признаках вещных прав [65]. В качестве иллюстрации также можно привести положения Гражданского кодекса Испании², который не содержит даже примерного перечня вещных прав и провозглашает принцип «разрешено все, что прямо не запрещено законом», что дает основание правоприменительной практике складываться в пользу допустимости создания новых вещных прав по инициативе частных лиц [37].

Другими словами, непоименованность ограниченных вещных прав в зарубежных правовых порядках из запрещенной постепенно переходит в допускаемую непоименованность, а в ряде случаев и в разрешенную. Модель, по которой будет развиваться российское законодательство в сфере вещных прав, до сих пор не

определена: прежний законопроект о вещных правах так и не был принят, а новый пока лишь вынесен на всеобщее обсуждение³. Однако в обоих из них перечень ограниченных вещных прав предлагается сформулировать исчерпывающим образом исключительно в тексте ГК РФ, что свидетельствует о поддержке разработчиками законопроекта принципа *numerus clausus* и в случае принятия поправок приведет к окончательному закреплению запрещенной непоименованности вещных прав в российском правовом порядке.

В отношении внедоговорных обязательств следует заметить, что непоименованные деликты де-факто постоянно возникают в судебной практике. Дело в том, что глава 59 ГК РФ, содержащая общие положения о возмещении вреда, одновременно предусматривает значительное число особых (поименованных) деликтов. Соответственно, судебная практика при возникновении споров по данной категории дел постоянно вынуждена принимать решение о возможности применения общих правил о возмещении вреда или специальных правил, установленных в ГК РФ. Многочисленные примеры судебных решений по данному вопросу лишь подтверждают высказанное суждение⁴. Следует отметить, что аналогичный подход к деликтам существует и в английском праве, правда, по понятным причинам сформированный на основании анализа исков из деликтов. Ученые описывают поименованные (*nominate torts*) и безымянные, или непоименованные (*innominate torts*), деликты, отмечая, что «к разряду безымянных (непоименованных) в английском праве относятся те деликтные обязательства, которые хотя и обособились вследствие судебных исков, рассмотренных и признанных судами, но

³ Исследовательский центр частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации. URL: <http://privlaw.ru/povestka-47/>.

⁴ См., например: потерпевший, виновный в неосторожном причинении вреда имуществу, которое является источником повышенной опасности, несет ответственность по общим правилам о возмещении вреда: определение Конституционного Суда РФ от 21.03.2013 г. № 424 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; на общих основаниях возмещается вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания совершившего преступление лица: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ К непоименованным она относит право аренды, наем жилого помещения, ссуду, права членов семьи собственника жилья и всякое другое пользование чужим имуществом, отвечающее выработанным наукой признакам (см. [4, с. 166]).

² Гражданский кодекс Испании, 1889 г. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040601> (дата обращения: 22.10.2019).

не получили своего собственного определения – имени»¹.

В завершение вопроса о непоименованных субъективных правах заметим, что данная проблема в последнее время активно обсуждается не только цивилистами. Представители муниципального права регулярно обращаются к развитию идей о непоименованных правах с точки зрения урбанистических позиций и раскрывают содержание таких прав, как право на вид из окна и вид на море/озеро/реку, отмечая при этом важные для цивилистов суждения о том, что данные права необходимо соотнести с существующими вещными правами в гражданском праве [35]. Конституционалисты, обращаясь к зарубежному опыту, в частности Германии, отмечают выделение неписаных (от нем. – *ungeschriebene*) [76], неназванных (от нем. – *unbenannte*) или непоименованных основных правах (от нем. – *Innominant-Grundrechte*) [72], позволяющее «органам конституционного контроля защищать индивида от угроз, которые не охватываются уже существующими конституционными правами» [22]. Данные исследования, бесспорно, важны и для науки гражданского права, поскольку возникающие непоименованные публичные права, как правило, в той или иной степени проецируются и на гражданский оборот, порождая возникновение новых непоименованных субъективных гражданских прав.

Выводы

Рассмотрев основные признаки непоименованности, ее виды и особенности применительно к различным гражданско-правовым конструкциям, предлагаем определить непоименованность в гражданском праве как позитивное гражданско-правовое явление, детерминированное пробелами в праве, а также дополнительными условиями в виде конкретных действий участников гражданско-правовых отношений, квалифицированное правоприменительным органом в качестве допустимого или недопустимого в зависимости от избранной законодателем модели гражданско-правового регулирования.

¹ Так, примером безымянного деликта могут служить те внедоговорные обязательства, которые возникают из деликта, признанного совершенным в таких делах, как «Райлэндз против Флетчера» (*Rylands v. Fletcher*, 1866), «Уилкинсон против Даунтона» (*Wilkinson v. Downton*, 1897 г.) и др. (см. [18]).

Важным полагаем отметить, что анализ различных непоименованных явлений свидетельствует о том, что в российском правовом порядке преобладает запрещенная непоименованность, существенно сужающая границы частного усмотрения. Представляется, что по многим позициям требуется движение в сторону введения допускаемой, а впоследствии и разрешенной непоименованности.

Предложенные в работе классификации непоименованности, а также анализ отдельных видов непоименованных гражданско-правовых явлений, надеемся, послужат отправной точкой для дальнейшего изучения данного правового феномена, тем более, что поднятые вопросы, очевидно, не ограничиваются цивилистической наукой, поскольку проблема непоименованности носит межотраслевой характер.

Библиографический список

1. *Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом*: сб. науч. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. (25 апреля 2016 года, г. Москва) / под общ. ред. С. Д. Могилевского, М. А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический фак. им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности. М.: Юстицинформ, 2016. 493 с.
2. *Анисимов А. П.* Права животных в российском и зарубежном праве // *Аграрное и земельное право*. 2016. № 1 (133). С. 103–108.
3. *Арбитражный процесс*: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Статут, 2017. 752 с.
4. *Баринова Е. А.* Вещные права в системе субъективных гражданских прав // *Актуальные проблемы гражданского права*: сб. ст. / под ред. О. Ю. Шилохвоста. М.: Норма, 2003. Вып. 6. С. 137–174.
5. *Беспрозванный Д. Б.* Детерминация правовых предписаний // *Социально-политические науки*. 2012. № 2. С. 65–68.
6. *Брагинский М. И.* Основы учения о непоименованных (безымянных) и смешанных договорах. М.: Статут, 2007. 79 с.
7. *Булыгина М. А.* Мена имущественных прав // *Российский юридический журнал*. 2016. № 3. С. 161–173.
8. *Бунге М.* Причинность. Место принципа причинности в современной науке. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 512 с.

9. *Василевская Л. Ю.* Цифровые права как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации // *Хозяйство и право.* 2019. № 5. С. 3–14.
10. *Васильев В. В.* Детерминизм в системе гражданского права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 60 с.
11. *Ветер Н. Ю.* Понятие, признаки и юридическая сущность обхода закона // *Власть Закона.* 2014. № 4. С. 175–185.
12. *Гаврилов Е. В.* Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам // *Российский судья.* 2018. № 7. С. 33–37.
13. *Гаврилов Е. В.* Принесение извинения как способ защиты чести, достоинства и деловой репутации // *Законодательство и экономика.* 2012. № 7. С. 16–21.
14. *Горохов Д. Б., Горохова Ю. В.* Животные и растения – субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие? // *Адвокат.* 2016. № 11. С. 5–20.
15. *Груздев В. В.* Дифференциация в гражданском праве // *Нотариус.* 2018. № 8. С. 8–12.
16. *Гудков Д. В.* Проблема квалификации отношений сторон до разрешения отлагательного условия // *Вестник гражданского права.* 2015. № 3. С. 7–56.
17. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.slovar-dalja.net/word.php?wordid=28757> (дата обращения: 12.10.2019)
18. *Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учеб. пособие / М. А. Егорова, В. Г. Крылов, А. К. Романов; отв. ред. М. А. Егорова.* М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.
19. *Демин А. В.* Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. 368 с.
20. *Договор как общеправовая ценность: монография / В. Р. Авхадеев, В. С. Асташова, Л. В. Андриченко и др.* М.: ИЗиСП, Статут, 2018. 381 с.
21. *Долганичев В. В.* Возбуждение и подготовка дел группового производства. М: Статут, 2017. 176 с.
22. *Должилов А. В.* «Рукописи не горят»: неписаные права в конституционном правосудии // *Сравнительное конституционное обозрение.* 2014. № 1. С. 120–137.
23. *Жбанков М. А., Штыкова Н. Н.* Соотношение вещно-правовых и специальных исков защиты прав на земельные участки (на примере судебной практики Владимирской области) // *Правовые вопросы недвижимости.* 2019. № 1. С. 26–30.
24. *Завьялов А. А.* Публичные сервитуты // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2019. № 9. С. 92–99.
25. *Каранетов А. Г.* Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.
26. *Кирсанова Е. Е.* Возникновение новых объектов правовой защиты в условиях цифровой экономики // *Юрист.* 2018. № 11. С. 19–24.
27. *Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина.* М.: Статут, 2018. Т. 2. 990 с.
28. *Комиссарова Е. Г., Торкин Д. А.* Непоименованные способы обеспечения обязательств в гражданском праве. М.: Аспект Пресс, 2008. 144 с.
29. *Комиссарова Е. Г.* Методологические аспекты научно-понятийного аппарата в цивилистике // *Методологические проблемы цивилистических исследований.* 2019. Т. 1, № 1. С. 197–216.
30. *Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (постатейный) / Л. Л. Арзуманова, А. В. Лаптева, Д. О. Шнигер, М. А. Беляев, Слесарев С. А.* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
31. *Краснова Т. С.* Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость: зарубежный опыт и новеллы российского законодательства // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2015. № 1. С. 142–162.
32. *Лазарев В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юрид. лит., 1974. 184 с.
33. *Максимов В. А.* Условия охраноспособности произведений в авторском праве // *Ленинградский юридический журнал.* 2017. № 3. С. 85–91.
34. *Малышев К.* Курс общего гражданского права России: в 4 т. СПб., 1878. Т. 1. 366 с.
35. *Медведев И. Р.* Разрешение городских конфликтов: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2017. 372 с.

36. Менглиев Ш. Имущественные права как объект права и правоотношения. URL: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=123494>.
37. Метельская В. В., Шевцов С. Г. Сервитуты в системе вещных прав. Краснодар: Советская Кубань, 2009. 158 с.
38. Овчинников С. Н. Принцип детерминизма в методологии правоведения // Правоведение. 1984. № 2. С. 35–39.
39. Общая теория государства и права: акад. курс; в 3 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб и доп. М.: Норма, 2007. Т. 2: Право. 816 с.
40. Панасюк О. С. Пробелы в праве и способы их преодоления и устранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2012. 21 с.
41. Перфильева В. Споры вокруг статуса места под парковку // Жилищное право. 2016. № 11. С. 53–56.
42. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 3. 533 с.
43. Рогалева М. А. Алгоритм квалификации гражданских дел (на примере защиты прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг). М.: Статут, 2018. 204 с.
44. Свит Ю. П. Распоряжение правом требования о привлечении к субсидиарной ответственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 37–41.
45. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
46. Семенов В. В. Преимущественное право покупки имущества как способ защиты имущественных интересов // Юрист. 2015. № 19. С. 23–26.
47. Семенов В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 21–23.
48. Сеницын С. А. Вещь как объект гражданских прав: возможные и должные критерии идентификации // Законодательство и экономика. 2016. № 11. С. 7–17.
49. Спектор Е. И. Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 127 с.
50. Спиркин А. Г. Философия: учебник. М.: Гардарики, 2000. 368 с.
51. Сулова С. И. Непоименованность в гражданском праве: к постановке вопроса // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 404–414.
52. Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 559 с.
53. Теория государства и права: курс лекций / А. Г. Бережнов, Е. Г. Воротилин, О. Э. Лейст, П. Ф. Лунгу и др.; под ред. М. Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Зерцало, ТЕИС, 1996. 475 с.
54. Уранский Ф. Р. К вопросу о понятии и видах пробелов в праве // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2005. № 5. С. 111–121.
55. Уранский Ф. Р. Пробелы в праве и способы их восполнения в правоприменительной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 192 с.
56. Филиппова С. К вопросу о понятии, составе и структуре уставного капитала хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2018. № 11. С. 35–52.
57. Фомина Л. А. Пробелы в гражданском праве России: понятие, сущность, способы преодоления: монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2008. 169 с.
58. Хликова О. Г. Доля в праве общей долевой собственности на жилые помещения как объект гражданских и жилищных прав // Пролог: журнал о праве. 2017. № 4. С. 13–16.
59. Чашкова С. Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 2. С. 58–64.
60. Червяков К. К. Факт признания отцовства и его значение для возникновения родительского правоотношения // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 112–115.
61. Шевцов С. Г. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 121–128.
62. Шевцов С. Г. Усмотрение и причинно-следственные связи в гражданском праве // Современное право. 2012. № 3. С. 78–81.
63. Шелютто М. Л. Проблемы совершенствования гражданского законодательства. Обзор IV Ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора С. Н. Братуся // Журнал российского права. 2010. № 1. С. 144–153.

64. Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. 25 с.

65. Akkermans B. The New Dutch Civil Code: the Borderline between Property and Contract // Towards a Unified System of Land Burdens / ed. by S. van Erp and B. Akkermans. Antwerp-Oxford: Intersentia, 2006. Pp. 163–183.

66. Canaris C.-W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz: eine methodologische Studie über Voraussetzungen und Grenzen der richterlichen Rechtsfortbildung praeter legem. Duncker & Humblot, 1964. 219 S.

67. Cuellar M. Causal Reasoning and Data Analysis in the Law: Definition, Estimation, and Usage of the Probability of Causation // SSRN Electronic Journal. 2018. January. DOI: 10.2139/ssrn.3188098.

68. Favre D. Living Property: a New Status for Animals within the Legal System // Marquette Law Review. 2010. Vol. 93, Issue 3.

69. Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals // Duke Law Journal. 2000. Vol. 50, № 2. Pp. 473–502.

70. Keller A. Die Kritik. Korrektur und Interpretation des Gesetzeswortlautes, Winterthur, 1960. 305 S.

71. Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent // SSRN Electronic Journal. 2018. 4 Sept. DOI: 10.2139/ssrn.3243732.

72. Manssen G. Staatsrecht II: Grundrechte. 9 aufl. München: C. H. Beck, 2012. 277 p.

73. Мельниченко Р. С. Проблеми застосування судом непоіменованийих способів захисту цивільних прав та інтересів // Молодий вчений. 2015. № 8 (23). С. 99–102.

74. Oman N. B. Private Law and Local Custom (October 11, 2019) in Oxford Handbook of New Private Law Theory // SSRN Electronic Journal. 2019. 22 Oct. DOI: 10.2139/ssrn.3468516.

75. Preuß N. Digitaler Nachlass – Vererbbarkeit eines Kontos bei einem sozialen Netzwerk // Neue Juristische Wochenschrift. 2018. Heft 43.

76. Rupp H. H. Ungeschriebene Grundrechte unter dem Grundgesetz // Juristen Zeitung. 2005. 60. Jg. H. 4. S. 157–160.

77. Reyes C. L., Rosario N. M., Cannon R. M., Tall R. Panel I: Blockchain and the Law // The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. 2019. Vol. 34, Issue 1.

78. Shavell S. The Mistaken Restriction of Strict Liability to Uncommon Activities // The Journal of Legal Analysis, Forthcoming. 2018. 12 Dec. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3298135>.

79. Shavell S. On the Redesign of Accident Liability for the World of Autonomous Vehicles // Harvard Law School John M. Olin Center Discussion. Paper 1014. Available at: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3437474>.

80. Shyam G. Is The Classification Of Animals As Property Consistent With Modern Community Attitudes? // UNSW Law Journal. 2018. Vol. 41(4). Pp. 1418–1444.

81. Shyam G. The Legal Status of Animals: The World Rethinks Its Position // Alternative Law Journal. 2015. Issue 4 (40). Pp. 266–270. DOI: 10.1177/1037969X1504000411.

82. Тарнавська М. І. Вибір способу захисту цивільного права та інтересу: практичний аспект // Митна справа. 2014. Issue 4 (94).

83. Walter A. Bitcoin, Libra und sonstige Kryptowährungen aus zivilrechtlicher Sicht // Neue Juristische Wochenschrift. 2019. Heft 50.

84. Zitelmann E. Lücken im Recht. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1903. 46 S.

References

1. Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom: sbornik nauchnykh statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod red. S. D. Mogilevskogo, M. A. Egorovoj [Current Problems of Business and Corporate Law in Russia and Abroad: Collection of Scientific Articles of the III International Scientific and Practical Conference; ed. by S. D. Mogilevskiy, M. A. Egorova]. Moscow, 2016. 493 p. (In Russ.).

2. Anisimov A. P. Prava zhivotnykh v rossijskom i zarubezhnom prave [The Rights of Animals in the Russian and Foreign Law]. Agrarnoe i zemel'noe pravo – Agrarian and Land Law. 2016. Issue 1. Pp. 103–108. (In Russ.).

3. Arbitrazhnyj process: uchebnik / otv. red. V. V. Yarkov [Commercial Proceedings: Textbook; ed. by V. V. Yarkov]. Moscow, 2017. 752 p. (In Russ.).

4. Barinova E. A. Veshchnye prava v sisteme sub"ektivnykh grazhdanskikh prav [Property Rights in the System of Civil Rights]. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava: Sbornik statej

[Current Problems of Civil Law: Collection of Articles]. 2003. Issue 6. Pp. 137–174. (In Russ.).

5. *Besprozvannyj D. B. Determinaciya pravovykh predpisaniy* [The Determination of the Legal Orders]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* – Socio-Political Sciences. 2012. Issue 2. Pp. 65–68. (In Russ.).

6. *Braginskij M. I. Osnovy ucheniya o nepoimenovannykh (bezymyannykh) i smeshannykh dogovorakh* [Fundamentals of the Doctrine of Innominate and Mixed Contracts]. Moscow, 2007. 79 p. (In Russ.).

7. *Bulygina M. A. Mena imushchestvennykh prav* [An Exchange of the Property Rights]. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* – Russian Juridical Journal. 2016. Issue 3. Pp. 161–173. (In Russ.).

8. *Bunge M. Prichinnost'. Mesto principa prichinnosti v sovremennoj nauke* [Causality. The Place of the Causal Principle in Modern Science]. Moscow, 1962. 512 p. (In Russ.).

9. *Vasilevskaya L. Yu. Cifrovye prava kak novyy ob"ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoy kvalifikatsii* [Digital Rights as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification]. *Khozyajstvo i pravo* – Business and Law. 2019. Issue 5. Pp. 3–14. (In Russ.).

10. *Vasil'ev V. V. Determinizm v sisteme grazhdanskogo prava Rossijskoj Federatsii: avtor. ref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Determinism in the Civil Law System of the Russian Federation: Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2015. 60 p. (In Russ.).

11. *Veter N.Yu. Ponyatie, priznaki i yuridicheskaya sushchnost' obkhoda zakona* [The Concept, Signs and Legal Nature of the Circumvention of Law]. *Vlast' Zakona* – Power of Law. 2014. Issue 4. Pp. 175–185. (In Russ.).

12. *Gavrilov E. V. Pravovaya pozitsiya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federatsii o kompensatsii nematerial'nogo (reputacionnogo) vreda yuridicheskim licam* [The Legal Standing of the Constitutional Court of the Russian Federation with Regard to the Compensation for Non-Financial (Reputation) Damage to Legal Entities]. *Rossiiskij sud'ya* – Russian Judge. 2018. Issue 7. Pp. 33–37. (In Russ.).

13. *Gavrilov E. V. Prinesenie izvineniya kak sposob zashchity chesti, dostoinstva i delovoj reputatsii* [Apologizing as a Way to Protect Honor, Dignity and Business Reputation]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Legislation and Economy. 2012. Issue 7. Pp. 16–21. (In Russ.).

14. *Gorokhov D. B., Gorokhova Yu. V. Zhivotnye i rasteniya – sub"ekty prava po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federatsii: konstataciya absurda ili nauchnoe otkrytie?* [Animals and Plants - Subjects of the Law According to the Legislation of the Russian Federation: the Statement of Absurdity or the Scientific Discovery?]. *Advokat* – Lawyer. 2016. Issue 11. Pp. 5–20. (In Russ.).

15. *Gruzdev V. V. Differenciatsiya v grazhdanskom prave* [Differentiation in Civil Law]. *Notarius* – Notary. 2018. Issue 8. Pp. 8–12. (In Russ.).

16. *Gudkov D. V. Problema kvalifikatsii otnoshenij storon do razresheniya otlagatel'nogo usloviya* [Legal Qualification of Parties' Relations during Pendency of a Suspensive Condition]. *Vestnik grazhdanskogo prava* – Civil Law Review. 2015. Issue 3. Pp. 7–56. (In Russ.).

17. *Dal' V. Tolkovyj slovar' zhivago velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Available at: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=28757> (accessed 22.01.2020). (In Russ.).

18. *Egorova M. A., Krylov V. G., Romanov A. K. Deliktnye obyazatel'stva i delikt'naya otvetstvennost' v anglijskom, nemeckom i francuzskom prave: uchebnoe posobie / otv. red. M. A. Egorova* [Tort Obligations and Tort Liability in the English, German and French Law: Tutorial; ed. by M.A. Egorova]. Moscow, 2017. 376 p. (In Russ.).

19. *Demin A. V. Princip opredelennosti nalogooblozheniya: monografiya* [The Principle of Taxation Certainty: Monograph]. Moscow, 2015. 368 p. (In Russ.).

20. *Avkhadeev V. R., Astashova V. S., Andrichenko L. V. et al. Dogovor kak obshchepravovaya cennost': monografiya* [Agreement as a Legal Value: Monograph]. Moscow, 2018. 381 p. (In Russ.).

21. *Dolganichev V. V. Vozbuzhdenie i podgotovka del gruppovogo proizvodstva* [Institution and Preparation of Group Proceedings]. Moscow, 2017. 176 p. (In Russ.).

22. *Dolzhiykov A. V. "Rukopisi ne goryat": nepisanye prava v konstitucionnom pravosudii* [‘Manuscripts Don't Burn’: Unwritten Rights in Constitutional Adjudication]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* – Comparative Constitutional Review. 2014. Issue 1. Pp. 120–137. (In Russ.).

23. *Zhbankov M. A., Shtykova N. N. Sootnoshenie veshchno-pravovykh i special'nykh iskov zashchity prav na zemel'nye uchastki (na primere sudebnoj praktiki Vladimirskoj oblasti)* [The Cor-

relation between Proprietary and Special Claims for Protection of Title to Land Plots (on the Example of Case Law of the Vladimir Region)]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti* – Legal Issues of Real Estate. 2019. Issue 1. Pp. 26–30. (In Russ.).

24. Zav'yalov A. A. "Publichnye" servituty ['Public' Servitudes]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii* – Property Relations in the Russian Federation. 2019. Issue 9. Pp. 92–99. (In Russ.).

25. Karapetov A. G. *Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossijskom i zarubezhnom prave* [Termination of a Breached Contract in Russian and Foreign Law]. Moscow, 2007. 876 p. (In Russ.).

26. Kirsanova E. E. *Vozniknovenie novykh ob'ektov pravovoj zashchity v usloviyakh cifrovoj ekonomiki* [Origination of New Legal Protection Objects in Conditions of the Digital Economy]. *Yurist* – Jurist. 2018. Issue 11. Pp. 19–24. (In Russ.).

27. *Korporativnoe pravo: uchebnyj kurs / otv. red. I. S. Shitkina* [Corporate Law: Training Course; ed. by I. S. Shitkina]. Moscow, 2018. Vol. 2. 990 p. (In Russ.).

28. Komissarova E. G., Torkin D. A. *Nepoimenovannye sposoby obespecheniya obyazatel'stv v grazhdanskom prave* [Innominate Methods of Securing Obligations in Civil Law]. Moscow, 2008. 144 p. (In Russ.).

29. Komissarova E. G. *Metodologicheskie aspekty nauchno-ponyatijnogo apparata v civilistike* [Methodological Aspects of Scientific Concepts Formation in Civil Science]. *Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij* – Methodological Problems of the Civil Researches. 2019. Vol. 1. Issue 1. Pp. 197–216. (In Russ.).

30. Arzumanova L. L., Lapteva A. V., Shniger D. O., Belyaev M. A., Slesarev S. A. *Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 26 marta 1998 g. № 41-FZ "O dragocennykh metallakh i dragocennykh kamnyakh" (postatejnyj)* [Commentary on the Federal Law No. 41-FZ 'On Precious Metals and Precious Stones' of March 26, 1998 (Itemized)]. 2018. (In Russ.).

31. Krasnova T. S. *Servitutnye tipy ograničenij (obremerenij) prav na nedvizhimost': zarubezhnyj opyt i novelly rossijskogo zakonodatel'stva* [Servitude Types: Foreign Experience and Draft Amendments to Russian Legislation]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii* – Herald of Economic Justice. 2015. Issue 1. Pp. 142–162. (In Russ.).

32. Lazarev V. V. *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in Law and Ways to Eliminate Them]. Moscow, 1974. 184 p. (In Russ.).

33. Maksimov V. A. *Usloviya okhranosposobnosti proizvedenij v avtorskom prave* [Conditions of Protectability of Works in Copyright]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal* – Leningradskiy Juridical Journal. 2017. Issue 3. Pp. 85–91. (In Russ.).

34. Malyshev K. *Kurs obshchego grazhdanskogo prava Rossii: v 4 t.* [The Course of General Civil Law of Russia: in 4 vols.]. St. Petersburg, 1878. Vol. 1. 366 p. (In Russ.).

35. Medvedev I. R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Urban Conflicts Resolution]. Moscow, 2017. 372 p. (In Russ.).

36. Mengliev Sh. *Imushchestvennyye prava kak ob'ekt prava i pravootnosheniya* [Property Rights as an Object of Law and Legal Relations]. Available at: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=123494>. (In Russ.).

37. Metel'skaya V. V., Shevcov S. G. *Servituty v sisteme veshchnykh prav* [Servitudes in the System of Property Rights]. Krasnodar, 2009. 158 p. (In Russ.).

38. Ovchinnikov S. N. *Princip determinizma v metodologii pravovedeniya* [The Principle of Determinism in the Methodology of Law Science]. *Pravovedenie* – Pravovedenie. 1984. Issue 2. Pp. 35–39. (In Russ.).

39. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v trekh tomakh / otv. red. M. N. Marchenko* [General Theory of State and Law. Academic Course in Three Volumes; ed. by M. N. Marchenko]. Moscow, 2007. Vol. 2. *Pravo* [Law]. 816 p. (In Russ.).

40. Panasyuk O. S. *Probely v prave i sposoby ikh preodoleniya i ustraneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Gaps in Law and Ways to Overcome and Eliminate Them: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Stavropol, 2012. 21 p. (In Russ.).

41. Perfil'eva V. *Spory vokrug statusa mesta pod parkovku* [Disputes over the Status of a Parking Space]. *Zhilishchnoe pravo* – Housing Law. 2016. Issue 11. Pp. 53–56. (In Russ.).

42. *Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj: v 3 t. / pod red. P. V. Krasheninnikova* [Article-by-Article Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part Two: in 3 vols.; ed. by P. V. Krasheninnikov]. Moscow, 2011. Vol. 3. 533 p. (In Russ.).

43. Rogaleva M. A. *Algoritm kvalifikacii grazhdanskikh del (na primere zashchity prav investorov v sfere rynka cennykh bumag)* [Algorithm for Qualifying Civil Cases (a Case Study of Protecting the Rights of Investors in the Securities Market)]. Moscow, 2018. 204 p. (In Russ.).
44. Svit Yu. P. *Rasporyazhenie pravom trebovaniya o privilezhenii k subsidiarnoy otvetstvennosti* [Disposal of the Right to Claim Subsidiary Liability]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2018. Issue 7. Pp. 37–41. (In Russ.).
45. Sdelki, predstavitel'stvo, iskovaya davnost': *Postatejnyj kommentarij k stat'yam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / otv. red. A. G. Karapetov* [Transactions, Representation, Limitation: Article-by-Article Commentary on Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation; ed. A. G. Karapetov]. Moscow, 2018. 1264 p. (In Russ.).
46. Semenov V. V. *Preimushchestvennoe pravo pokupki imushchestva kak sposob zashchity imushchestvennykh interesov* [Preferential Right to Purchase Property as a Method of Property Interest Protection]. *Yurist* – Jurist. 2015. Issue 19. Pp. 23–26. (In Russ.).
47. Semenov V. V. *Sposoby zashchity grazhdanskikh prav v kontekste Konstitucii i Grazhdanskogo kodeksa* [Civil Rights Protection Means within the Framework of the Constitution and the Civil Code]. *Advokatskaya praktika* – Advocate's Practice. 2018. Issue 4. Pp. 21–23. (In Russ.).
48. Sinicyn S. A. *Veshch' kak ob'ekt grazhdanskikh prav: vozmozhnye i dolzhnye kriterii identifikacii* [A Thing as an Object of Civil Rights: Possible and Proper Identification Criteria]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika* – Legislation and Economy. 2016. Issue 11. Pp. 7–17. (In Russ.).
49. Spektor E. I. *Probely v zakonodatel'stve i puti ikh preodoleniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Gaps in Legislation and Ways to Overcome Them: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2003. 127 p. (In Russ.).
50. Spirkin A. G. *Filosofiya: uchebnik* [Philosophy: Textbook]. Moscow, 2000. 368 p. (In Russ.).
51. Suslova S. I. *Nepoimenovannost' v grazhdanskom prave: k postanovke voprosa* [On the Problem of the 'Unnamed' in Civil Law]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* – Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki. 2018. Vol. 160. Issue 2. Pp. 404–414. (In Russ.).
52. Sukhanov E. A. *Veshchnoe pravo: Nauchno-poznavatel'nyj ocherk* [Property Law: Scientific and Educational Essay]. Moscow, 2017. 559 p. (In Russ.).
53. *Teoriya gosudarstva i prava. Kurs lekcij / Berezhnov A. G., Vorotilin E. G., Lejst O. E., Lungu P. F. i dr. / pod red. M. N. Marchenko. 2-e izd.* [Theory of State and Law. Lecture Course; A. G. Berezhnov, E. G. Vorotilin, O. E. Lejst, P. F. Lungu et al.; ed. by M. N. Marchenko. 2nd ed.]. Moscow, 1996. 475 p. (In Russ.).
54. Uranskij F. R. *K voprosu o ponyatii i vidakh probelov v prave* [On the Concept and Types of Gaps in Law]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* – The Moscow University Herald. Series 11. Law. 2005. Issue 5. Pp. 111–121. (In Russ.).
55. Uranskij F. R. *Probely v prave i sposoby ikh vospolneniya v pravoprimeritel'noj deyatelnosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Gaps in Law and Ways to Fill Them in Law Enforcement: Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 192 p. (In Russ.).
56. Filippova S. *K voprosu o ponyatii, sostave i strukture ustavnogo kapitala khozyajstvennogo obshchestva* [On the Concept, Composition and Structure of the Authorized Capital of a Business Company]. *Khozyajstvo i pravo* – Business and Law. 2018. Issue 11. Pp. 35–52. (In Russ.).
57. Fomina L. A. *Probely v grazhdanskom prave Rossii: ponyatie, sushchnost', sposoby preodoleniya: monografiya* [Gaps in the Civil Law of Russia: Concept, Essence, Methods of Overcoming: Monograph]. Volgograd, 2008. 169 p. (In Russ.).
58. Khlikova O. G. *Dolya v prave obshchej dolevoj sobstvennosti na zhilye pomeshcheniya kak ob'ekt grazhdanskikh i zhilishchnykh prav* [A Share in the Right of Shared Own Property to Residential Areas as an Object of Civil and Housing Rights]. *Prolog: zhurnal o prave* – Prologue: Law Journal. 2017. Issue 4. Pp. 13–16. DOI: 10.21639 / 2313-6715.2017.4.3. (In Russ.).
59. Chashkova S. Yu. *Svoboda formirovaniya uslovij dogovora o surrogatnom materinstve kak netipichnoj dogovornoj konstrukcii* [Freedom to Formulate the Terms of a Surrogacy Agreement as an Atypical Contractual Design]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* – Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016. Issue 2. Pp. 58–64. (In Russ.).
60. Chervyakov K. K. *Fakt priznaniya otcovstva i ego znachenie dlya vzniknoveniya roditel'skogo pravootnosheniya* [The Fact of Recognition of Paternity and Its Significance for the Emergence of Parental Legal Relationship]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1973. Issue 5. Pp. 112–115. (In Russ.).
61. Shevciv O. S. *Nekotorye aspekty ponyatiya imushchestva kak ob'ekta grazhdanskikh prav*

[Some Aspects of the Concept of Property as an Object of Civil Rights]. *Leningradskij juridicheskiy zhurnal* – Leningradskiy Juridical Journal. 2015. Issue 4. Pp. 121–128. (In Russ.).

62. *Shevcov S. G. Usmotrenie i prichinnosledstvennyye svyazi v grazhdanskom prave* [Discretion and the Causal Relationship in Civil Law]. *Sovremennoe pravo* – Modern Law. 2012. Issue 3. Pp. 78–81. (In Russ.).

63. *Shelyutto M. L. Problemy sovershenstvovaniya grazhdanskogo zakonodatel'stva. Obzor IV Ezhegodnykh nauchnykh chtenij, posvyashchennykh pamyati professora S. N. Bratusya* [Problems of Enhancement of Civil Legislation. Overview of the IV Annual Conference Devoted to the Memory of Professor S. N. Bratus]. *Zhurnal rossijskogo prava* – Journal of Russian Law. 2010. Issue 1. Pp. 144–153. (In Russ.).

64. *Yakovlev A. S. Imushchestvennyye prava kak ob'ekty grazhdanskikh pravootnoshenij: avtor. ref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Property Rights as Objects of Civil Legal Relations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Voronezh, 2003. 25 p. (In Russ.).

65. *Akkermans B. The New Dutch Civil Code: the Borderline between Property and Contract. Towards a Unified System of Land Burdens*; ed. by S. van Erp and B. Akkermans. Antwerp-Oxford, 2006. Pp. 163–183. (In Eng.).

66. *Canaris C.-W. Die Feststellung von Lücken im Gesetz: eine methodologische Studie über Voraussetzungen und Grenzen der richterlichen Rechtsfortbildung praeter legem*. Berlin: Duncker & Humblot, 1964. 219 p. (In Germ.).

67. *Cuellar M. Causal Reasoning and Data Analysis in the Law: Definition, Estimation, and Usage of the Probability of Causation*. SSRN Electronic Journal. January 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3188098. (In Eng.).

68. *Favre D. Living Property: A New Status for Animals within the Legal System*. *Marquette Law Review*. 2010. Vol. 93. Issue 3. (In Eng.).

69. *Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals*. *Duke Law Journal*. 2000. Vol. 50. Issue 2. Pp. 473–502. (In Eng.).

70. *Keller A. Die Kritik, Korrektur und Interpretation des Gesetzeswortlautes*. Winterthur, 1960. 305 p. (In Eng.).

71. *Kyritsis D. Interpreting Legislative Intent*. SSRN Electronic Journal. September 4, 2018. DOI: 10.2139/ssrn.3243732. (In Eng.).

72. *Manssen G. Staatsrecht II: Grundrechte*. Munich, 2012. 277 p. (In Germ.).

73. *Mel'nicenko R. S. Problemi zastosuvannya sudom nepoimenovanih sposobiv zakhistu tsivil'nikh prav ta interesiv* [Problems of Application of the Unnamed Methods of Protection of the Civil Rights and Interests by the Court]. *Molodii vchenii* – Young Scientist. 2015. Issue 8. Pp. 99–102. (In Ukr.).

74. *Oman N. B. 'Private Law and Local Custom'*, in *Oxford Handbook of New Private Law Theory* (Henry Smith et al eds. Forthcoming). SSRN Electronic Journal. October 22, 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3468516. (In Eng.).

75. *Preuß N. Digitaler Nachlass – Vererbbarkeit eines Kontos bei einem sozialen Netzwerk*. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2018. Heft 43. (In Germ.).

76. *Rupp H. H. Ungeschriebene Grundrechte unter dem Grundgesetz*. *Juristen Zeitung*. 2005. 60. Jg. H. 4. Pp. 157–160. (In Germ.).

77. *Reyes C. L., Rosario N. M., Cannon R. M., Tall R. Panel I: Blockchain and the Law*. *The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law*. 2019. Vol. 34. Issue 1. (In Eng.).

78. *Shavell S. The Mistaken Restriction of Strict Liability to Uncommon Activities*. *The Journal of Legal Analysis*, Forthcoming. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3298135>. (In Eng.).

79. *Shavell S. On the Redesign of Accident Liability for the World of Autonomous Vehicles*. *Harvard Law School John M. Olin Center Discussion Paper No. 1014*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3437474>. (In Eng.).

80. *Shyam G. Is the Classification of Animals as Property Consistent with Modern Community Attitudes?* *UNSW Law Journal*. 2018. Vol. 41(4). Pp. 1418–1444. (In Eng.).

81. *Shyam G. The Legal Status of Animals: The World Rethinks Its Position*. *Alternative Law Journal*. 2015. Issue 4 (40). Pp. 266–270. DOI: 10.1177/1037969X1504000411. (In Eng.).

82. *Tarnavs'ka M. I. Vibir sposobu zakhistu tsivil'nogo prava ta interesu: praktichnii aspekt* [Choosing a Way to Protect Civil Rights and Interests: Practical Aspect]. *Mitna sprava* – Customs. 2014. Issue 4 (94). (In Ukr.).

83. *Walter A. Bitcoin, Libra und sonstige Kryptowährungen aus zivilrechtlicher Sicht*. *Neue Juristische Wochenschrift*. 2019. Issue 50. (In Germ.).

84. *Zitelmann E. Lücken im Recht*. Leipzig, 1903. 46 p. (In Germ.).